

УДК [1:316](470+571)
ББК 60.033.145.2
К 82

В.В. Кривоусков,

аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Москва, тел.: +79057605904, e-mail: krivopuskov@rambler.ru

КОНЦЕПТ «РУССКИЙ МИР» В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: АСПЕКТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социологического дискурса о «русском мире» в рамках цивилизационного подхода, показана необходимость социологической рефлексии в научной концептуализации этого понятия, а также культурной реконструкции ряда утраченных идентификационных характеристик в ситуации интенсивных глобальных изменений. «Русский мир» интерпретируется как нарративный конструкт с ценностной и смысловой нагрузкой, уходящей корнями в область этнической бессознательной ментальности, создающий основание для новой цивилизационной идентификации россиян, территориальная локализация которой не привязана к физическим границам России, что отражает процесс деформирования, усложнения и гибридизации российской идентичности.

Ключевые слова: российская идентичность, «русский мир», культура, цивилизация, цивилизационная идентичность, концепт.

V.V. Krivopuskov,

Post-graduate student of the Institute of Sociology and Region Studies of Southern Federal University, Moscow, ph.: +79057605904, e-mail: krivopuskov@rambler.ru

CONCEPT “THE RUSSIAN WORLD” IN A SOCIOLOGICAL DISCOURSE: THE ASPECT OF CIVILIZATION IDENTITY

Abstract. The paper discusses the features of a sociological discourse about “the Russian world” within the civilization approach. The author shows the need of a sociological reflection for scientific conceptualization of this concept, as well as cultural reconstruction of a number of the lost identification characteristics for a situation of intensive global changes. “The Russian world” is interpreted as the narrative construct with the value and semantic loading originating in the area of ethnic unconscious mentality creating the basis for new civilization identification of Russians, territorial localization of which is not tied to physical borders of Russia. This reflects process of deformation, complication and hybridization of the Russian identity.

Keywords: Russian identity, “the Russian world”, culture, civilization, civilization identity, concept.

Действительность последних лет сделала более актуальной для россиян проблему самоидентификации. Конечность, в первую очередь это связано с событиями на Украине и цивилизационной

необходимостью осмысления их в социальной рефлексии. Среди различных значимых аспектов этих событий, наряду с политическим и социально-экономическим, ключевое место занимает идентификационный аспект. Длительное время существования статус-кво в сфере формирования цивилизационной идентичности россиян создало и закрепило ряд привычных культурных стереотипов самовосприятия. Даже начало трансформационных процессов в 90-е годы не смогло существенно поколебать этих стереотипов в силу инерционности культурных изменений и их естественного запаздывания в сравнении с изменениями институциональной структуры. И данные социологических исследований последнего десятилетия свидетельствовали о том, что значительное число россиян идентифицирует себя с ушедшим в прошлое образом «советского человека».

Этот образ, при всей его привлекательности для одних и дискредитированности для других, являлся частью комплекса идеологем, генетически связанного с марксистской версией интернационализма. Советская идентичность сформировалась по механизму гибридизации идентичности посредством вытеснения на периферию осознания давних этнокультурных идентификационных структур. Исторически она существовала в период биполярного мира, в условиях открытой или «холодной» войны, а также идеологического противостояния Западу в период разрядки, и поэтому вопросы цивилизационной идентификации подменялись идентификацией по идеологическому признаку.

И даже в советский период прослеживалась культурно-идейная преемственность государственной идеологии с «радикально-западническим» течением русской социально-политической мысли, стоявшим у истоков революции и содержавшим отчетливые идентификационные

ориентиры: Россия – неотъемлемая часть западного мира и его культуры, несколько запаздывающая в социально-экономическом развитии. Советская идентичность в этом плане тоже ориентировала на единство общемировой траектории развития, но утверждала, что СССР – идеологический авангард движения по этой траектории. Годы перестройки с их переориентацией на «общечеловеческие ценности» мало что изменили в сфере цивилизационной идентификации россиян.

Современная ситуация настоятельно потребовала пересмотреть акценты идентификационного поиска и переопределиться заново в традиционном пространстве цивилизационного выбора, найдя место для России между двумя культурными полюсами, двумя цивилизационными константами – Западом и Востоком. В настоящее время уже недостаточной является привычная ассоциация цивилизационного статуса России с промежуточным, амбивалентным положением «между Востоком и Западом», и все отчетливее ставится вопрос о самостоятельном центре цивилизационной самоидентификации россиян.

В этой связи и возникает понятие «русский мир», которое все чаще встречается в публичном дискурсе, статьях, дискуссиях. Конечно, понятием его можно назвать лишь условно. В действительности мы имеем здесь дело с концептом, рационально-эмотивным когнитивным образованием, которое настойчиво являет себя на сегодняшней эмоциональной волне, но нуждается в прояснении, концептуализации и исследовании именно как нарождающаяся или реконструирующаяся цивилизационная константа, не сводимая ни к Западу, ни к Востоку, но отвечающая возросшим идентификационным запросам россиян как отдельной культурной общности.

Этими соображениями, в первую очередь, и обусловлена социальная

актуальность вопросов, имеющих отношение в теме «русского мира». Хотя и помимо этого сохраняют остроту и значимость соображения З. Баумана и других известных отечественных и зарубежных социологов относительно неизмеримо возросшей в современном мире значимости идентификационных проблем по сравнению со всеми иными стоящими проблемами.

Таким образом, общественная актуальность проблематики «русского мира» обусловлена, прежде всего, возникшими объективными факторами, порождающими вызовы и риски для россиян в идентификационной сфере, а также необходимостью социологической рефлексии над спонтанными тенденциями идентификационного поиска в современных условиях.

Научно-теоретическая актуальность исследований в данном направлении для отечественной социологии определяется неудовлетворенной потребностью в научной концептуализации понятия «русский мир», в том числе в предметном поле социологии и, в частности, в плане анализа его потенциала в осуществлении важнейших для современного российского общества процессов: цивилизационной идентификации и социальной интеграции россиян.

«Русский мир», концепция самобытной культурной и цивилизационной идентичности русского/российского народа, имеет давние корни в отечественном общественном и научном дискурсе. У истоков ее стояли мыслители славянофильского направления XIX века – И.С. Аксаков, И.В. Киреевский, Н.С. Хомяков, а также русские религиозные философы – С.Н. Булгаков, Ф.М. Достоевский, И.А. Ильин, К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, В.С. Соловьев. К этой же категории мыслителей следует отнести и русских социологов субъективного направления во главе с П.Л. Лавровым и Н.К. Михайловским. Все

они акцентировали в своих трудах социокультурные отличия россиян как носителей ценностей православной соборности и общинности, альтруизма и нестяжания от европейцев, в которых видели индивидуалистов и прагматиков.

Революция 1917 г. надолго закрепила победу в знаменитой дискуссии славянофилов и западников радикального «западнического» крыла в лице революционных марксистов, а за мыслителями славянофильского направления утверждение «консерваторов» и «романтических утопистов». Только с началом перестройки в 1990-е гг. некоторые исследователи вернулись к разработке вышедшей из культурного забвения темы цивилизационной самобытности россиян. В этой связи нужно упомянуть Ассоциацию по коллективному изучению русской нации (АКИРН), внесшую большой вклад в публикацию и осмысление работ ученых «славянофильской» ориентации.

С возрождением отечественной социологии указанная проблематика начала исследоваться как в контексте этносоциологии – С.А. Арутюновым, Е.М. Арутюновой, Ю.В. Арутюняном, В.А. Тишковым и др., так и в контексте исследования российской идентичности – М.К. Горшковым и возглавляемым им научным коллективом, Л.М. Дробизевой и др. Кроме того, сопряженные с этой темой вопросы рассматриваются в работах А.Б. Гофмана, Т.И. Заславской, В.В. Локосова, Г.И. Осадчей, Г.В. Осипова, В.А. Ядова и др. – в связи с проблематикой межэтнических отношений, этносоциальной структуры российского общества, социальной антропологии, поддержания социетального единства [1].

Отдельно следует указать на исследования В.А. Тишкова [2], посвященные этнокультурному генезису «русского мира», конституированию «русского мира» взаимоотношениями России и зарубежных

русскоговорящих диаспор, роли русского языка и культуры в идентификационных процессах в постсоветском пространстве.

В семиологии, культурологии и когнитивной лингвистике исследования «русского мира» как цивилизационного нарратива или когнитивного концепта осуществляли такие классики отечественной мысли как Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Н. Каждан, Б.А. Успенский, изучавшие специфику и культурные истоки «русского мира», отличия русской культуры как особой семиосферы, пограничный статус «русского мира» в контексте цивилизационной оппозиции «Восток-Запад» и т.д. Этой же проблематике посвящены работы В.И. Абаева, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова и др. [3].

В ином ключе специфика российской ментальности с имманентно присущим ей социокультурным расколом рассматривается А.С. Ахиезером. Ряд исследователей делает «русский мир» объектом современного геополитического и антиглобалистского дискурса, стремясь обосновать правомерность и ценность сохранения особого самобытного культурного анклава, сопротивляющегося культурной унификации глобализма. К этому ряду исследователей относятся Н.И. Нарочницкая, А.И. Неклесса, В.К. Сергеев, В.В. Стебляк, В.А. Тишков, В.Л. Цымбурский, П.Г. Щедровицкий [4]. В работах этих авторов выстраивается геокультурная и этносоциологическая концепция «русского мира» как цивилизационной константы, сохраняющей свою незыблемую самобытность и находящей проявление прежде всего в формировании идентичности и идентификационного дискурса россиянина, а также в многочисленных сетевых проектах, таких как фонд «Русский мир», сетевое издание «Русский журнал» и др. Весомый вклад в развитие подобных проектов и концепции «русского

мира» как таковой делают в своих работах, статьях и выступлениях философы-традиционалисты В. Аверьянов, А.Г. Дугин, А. Малер [5].

Формирование идентичности современных россиян, в том числе и в аспекте соотношения традиционализма и либерализма, рассматривается в работах Л.Г. Ионина, Н.И. Лапина, И.В. Лесковой, Г.В. Осипова, В.Г. Федотовой и др. и коллективных исследованиях под редакцией М.К. Горшкова, Л.М. Дробижевой [6].

Наряду с указанными направлениями исследований в отечественной социологии, большое значение имеют классические работы зарубежных авторов, таких как социологи Э. Шилз и Ш. Эйзенштадт, заложившие основы современных теоретических представлений о структуре традиции, месте в ней сакральных ценностей, культурной поливариантности модернизации, М. Кастельс и З. Бауман, разработавшие теорию идентичности в современном глобальном сообществе, теоретик этнометодологии Г. Гарфинкель и создатель акторно-сетевой социологии Б. Латур, формирующие новое понимание идентификационных процессов как социальных взаимодействий [7]. Однако несмотря на обилие авторов и разработок, касающихся так или иначе тематики «русского мира», в современной отечественной социологии только начинает развиваться изучение «русского мира» в контексте формирования цивилизационной идентичности россиян, идентификационных и интегративных процессов современного российского общества.

В настоящее время происходят определенные изменения в динамике цивилизационной идентичности россиян, связанные с внешнеполитической ситуацией. Вошел в активный публичный оборот концепт «русский мир», несущий цивилизационное и аксиологическое содержание.

Мы предполагаем, что «русский мир» как цивилизационный нарратив обладает существенным идентификационным и интегративным потенциалом, пользуется определенной известностью у широких слоев россиян. Активизация использования этого нарратива в пространстве публичного дискурса связана с потребностью части населения в цивилизационном ориентире, который давал бы возможность дистанцирования от европейской идентичности, включения в более широкое евразийское пространство идентификации. Кроме того, «русский мир» востребован как аттрактор социетальной интеграции, который позволил бы объединить россиян и ориентированных на Россию жителей зарубежья в целостную общность.

Однако следует также отметить, что в силу недостаточной концептуализированности нарратива «русский мир» значительная доля населения России остается индифферентной к нему, а среди большого числа готовых принять его как цивилизационный ориентир отсутствует ясное и непротиворечивое представление о критериях принадлежности к «русскому миру».

Выбор цивилизационного подхода позволяет анализировать феномен «русского мира» в аспекте цивилизационного своеобразия и междивизиационных взаимодействий. Теория «множественной модерности», предложенная Эйзенштадтом, дает возможность ухода от универсалистской трактовки вестернизирующей модернизации и признания перспектив модернизирующего развития в контексте цивилизационного своеобразия «русского мира». Кроме того, значительную пользу в изучении «русского мира» может принести также семиотический подход, разработанный Ю. Лотманом, и некоторые элементы феноменологического подхода в социологии, позволяющие рассматривать «русский мир»

как когнитивный и нарративный конструкт, реконструируемый в контексте современных глобальных междивизиационных взаимодействий, наполняющих его новым смыслом.

Мы считаем, что концепт «русский мир» еще не стал окончательно понятием теоретического обществоведческого дискурса и представляет собой нарративный конструкт с ценностной и смысловой нагрузкой, уходящей корнями в область этнической бессознательной ментальности, ностальгию по идеализированному историческому прошлому, воплощающий следы трагического опыта российского XX века и тревогу перед надвигающимися инокультурными реалиями века XXI. Этот нарратив создает основание для новой цивилизационной идентификации россиян, территориальная локализация которой не привязана к физическим границам России, что отражает процесс деформирования, усложнения и гибридизации российской идентичности. Вследствие сказанного исследование феномена «русского мира» может осуществляться на основе синтеза цивилизационного подхода, семиотического подхода и методологии конструктивизма.

Мы полагаем, что следует укоренить концепт «русский мир» в научном социологическом дискурсе, так чтобы он приобрел в своем содержании контуры работающего понятия. Дело в том, что «русский мир» в настоящее время может считаться понятием лишь условно, представляя собой, прежде всего, культурный имажинативный конструкт, с которым, однако, необходимо считаться и социологической науке – в силу того, что этот конструкт является смысловым вместилищем чрезвычайно значимого, но не обретшего пока концептуализации экзистенциального наполнения. Для этого следует изучать исторические и

культурно-семиотические причины такой ситуации, но уже сейчас можно сказать, что конструкт «русского мира» – это, по сути, плод культурной реконструкции ряда утерянных идентификационных характеристик.

Эти характеристики «выпали» из пространства осознанной культурной идентификации россиян главным образом потому, что в советский период основной целью социализации было формирование новой социокультурной идентичности, которую в современных терминах можно было бы назвать «гибридной»: «советского человека». Несмотря на то, что конструируемая в те годы гибридная идентичность включала некоторые коды русской культурной традиции, она специфически перекодировала их, обрезаю ряд ключевых по значимости связей, например, с православной религиозной ментальностью, с глубинными этническими корнями народов, оставив лишь декоративные признаки национальной принадлежности. Из-за смещения акцентов интернациональный компонент идентичности приобрел господствующее значение, а роль этнонационального компонента диспропорционально уменьшилась.

Период перестройки и системных реформ ознаменовался новой перекодировкой идентичности и попыткой создания еще одного гибридного идентификационного конструкта с ориентацией на «общечеловеческие ценности», которые фактически представляли собой культурный код западной цивилизации. Для россиян, длительное время существовавших в культурной изоляции и от своего дореволюционного прошлого, и от Европы, это имело важнейшее позитивное значение, так как расширило их экзистенциальный горизонт и сделало их «гражданами мира», разрушив изоляционизм советского культурного мифа. Однако эта перекодировка не могла

вернуть россиянам самих себя, поскольку предлагаемая «общечеловеческая» идентичность в силу своей суррогатности и сопровождавших ее внедрение социально-экономических потрясений оказалась органично принятой только той категорией населения, которая благодаря высокому уровню образования, изначальной латентной средовой оппозиционности советскому укладу или наличию повышенных ресурсов была готова ее принять без существенной трансформации уже сложившейся личности.

Для большинства населения, особенно провинциального, и эта модель идентичности не смогла восполнить упоминавшийся выше неосознаваемый дефицит. Но наличие идентификационного дефицита, особенно в ситуации интенсивных глобальных изменений, не может не проявляться и не предъявлять так или иначе требований к его восполнению. В то же время концепт «русского мира» приобрел популярность благодаря целенаправленному его конструированию политтехнологами в качестве востребованной в конкретной политической ситуации идеологии.

Однако социологический интерес к этому концепту распространяется и на функционирование идеологии в публичном пространстве. Интересно и то, насколько далеко простирается востребованность этого концепта широкими массами населения, и то, насколько этот концепт в своем содержательном наполнении действительно актуализирует специфическую цивилизационную самобытность, могущую быть реконструированной в жизнеспособную культурную идентичность и иметь перспективы развития в собственный тип модерности, альтернативный тому, который предлагает западноевропейская цивилизация.

Примечания:

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология перед вызовами времени // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 85-95; Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / М.К. М.: Наука, 2005; Его же. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011; Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования «Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном)». М.: Ин-т социологии РАН, 2015; Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций для студентов магистратуры по социологии. 2-е изд., испр. и доп. СПб: Интерсоцис, 2009.

2. Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии // Стратегии России – 2007. URL: <http://www.etnograf.ru/node/61> (дата обращения: 07.10.2014);

Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв.: сб. статей / под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 9-44.

3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М., 1997; Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. М., 1997. № 9. С. 157-162; Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.; Степанов Ю.С. В мире семиотики. Вводная статья // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический проект, 2001. 702 с.

4. Нарочницкая Н.А. Русский мир. СПб: Алетейя, 2007; Неклесса А.И. Русский мир. Цивилизация многих народов. М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2010; Стебляк В.В. Цивилизационный выбор современной России: монография. Омск: Изд-во ОмГУ, 2014; Щедровицкий П.Г. Русский мир и транснациональное русское // Русский архипелаг. 2000.

5. Аверьянов В., Кобяков А. Русская доктрина // Главная тема. 2005. Ноябрь; АИФ – Москва. 2004. № 1; Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. 928 с.

6. Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / под ред. Л. Дробижевой, Е. Головахи. К.: Ин-т социологии НАН Украины, Ин-т социологии РАН, 2007.

7. Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2002. 390 с.; Кастельс М. Информационная эпоха // Экономика, общество, культура. М., 2000. 606 с.; Когатько Д.Г., Тхакахов В.Х. Российская идентичность: культурно-цивилизационная специфика и процессы трансформации. СПб: Алетейя, 2010. 136 с.; Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.

References:

1. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M. Ethnosociology in front of the challenges of time // Sociological studies. 2008. No. 7. P. 85-95; Gorshkov M.K. Russian identity in the conditions of transformation: experience of the sociological analysis / M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. M.: Nauka, 2005; By the same author. Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics). M.: The new chronograph, 2011; Information and analytical summary of the national survey “Russian society in the context of new realities (theses on the main things).” M.: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. 2015; Yadov V.A. Contemporary theoretical sociology as a conceptual basis for the study of Russian

transformations: A course of lectures for graduate students in sociology. The 2nd ed., rev. and enl. – SPb.: Intersotsis, 2009.

2. Tishkov V.A. Russian world: the meaning and strategies // Russian Strategy – 2007 – July. [Electronic resource] URL: <http://www.etnograf.ru/node/61> (date of access: 7/10/2014);

Tishkov V.A. The historical phenomenon of diaspora / National diasporas in Russia and abroad in the 19th -20th centuries: Coll. of articles. Ed. by Yu.A. Polyakov and G.Ya. Tarle. M., 2001. P. 9-44.

3. Likhachev D.S. Concept sphere of the Russian language // Russian literature. From theory of literature to the structure of the text. Anthology / general ed. by V.P. Neroznak. M., 1997; Lotman Yu.M. Modernity between the East and the West // Znamya. – M., 1997, No. 9. P. 157-162; Slyshkin G.G. From text to symbol: lingvocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. M.: Academia, 2000. – 128 pp.; Stepanov Yu.S. In the world of semiotics. Introductory article // Semiotics: Anthology / comp. by Yu.S. Stepanov. M.: Academic Project, 2001. 702 pp.

4. Narochnitskaya N.A. Russian world. SPb.: Aleteya, 2007; Neklessa A.I. Russian world. The civilization of many nations / RAS Scientific Council “History of the World Culture”. M.: Commission on the socio-cultural issues of globalization, 2010; Steblyak V.V. Civilization choice of modern Russia: a monograph. Omsk: OmsSU Publishing House, 2014; Shchedrovitsky P.G. Russian world and Russian transnational // Russian archipelago, 2000.

5. Averyanov V., Kobayakov A. Russian doctrine // The main theme. 2005. November. AIF – Moscow. 2004. No. 1; Dugin A.G. Basics of geopolitics. M.: Arktogeya-centre, 2000. 928 pp.

6. National civil identity and tolerance. The experience of Russia and Ukraine in the period of transformation / Ed. by L. Drobizheva, E. Golovakha. K.: Institute of Sociology of NAN of Ukraine; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2007.

7. Bauman Z. Individualized Society / Transl. from English. M.: Aspekt Press, 2002. – 390 pp.; Castells M. The Information Age // Economy, Society and Culture. M., 2000. – 606 pp.; Kogatko D.G., Tkhakakhov V.Kh. Russian identity: cultural and civilizational specificities and processes of transformation. SPb.: Aleteya, 2010. – 136 pp.; Latour B. Reassembling the social: introduction to actor-network theory / Transl. from English by I. Polonskaya, ed. by S. Gavrilenko. M.: Publishing house of the Higher School of Economics, 2014. 384 pp.; Eisenstadt Sh. Revolution and transformation of societies. Comparative study of civilizations. M.: Aspekt Press, 1999. 416 pp.